
Лоренс Стерн и британский ассоцианизм XVIII в.

А. В. ХИТРОВ

Интерес к творчеству британского писателя XVIII в. Лоренса Стерна (1713–1768) своеобразен: по выражению одного из стерноведов, Питера Бриггса, Стерн находится на пересечении нескольких исторических традиций. В его романах с легкостью можно найти как знаки классической культуры, основанной на греко-латинских древностях, так и поразительно современные элементы [Briggs 1985, 518–519]. "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена", роман, писавшийся Стерном в промежутке между 1759 и 1767 г., состоит из девяти внушительных томов, однако не имеет начала и конца, лишен линейного сюжета и описывает "жизнь и мнения" героя, который рождается только в четвертом томе, а в шестом лишь надевает детские штанишки. "Тристрам Шенди" оснащен неисчислимым количеством цитат и ссылок, разрывающих границы между *fiction* и *nonfiction*, в нем сознательно перепутан порядок глав, а некоторые страницы либо залиты черной краской или раскрашены под мрамор, либо вовсе остаются пустыми. Интерпретации Стерна через традицию "ученого остроумия" Рабле, Сервантеса, Монтеня и Свифта с их пародийностью, сатирическими интонациями, игрой с языком и инверсией ценностей уравниваются не менее убедительными концептуализациями творчества Стерна в категориях "модернизма" и "постмодернизма". Экцентричность Стерновой техники часто описывается при помощи понятия "романа потока сознания", с неизбежными отсылками к Дж. Джойсу, М. Прусту, В. Вульф и другим представителям этой модернистской традиции. Недавно (в 2006 г.) осуществленная Майклом Уинтерботтомом экранизация романа провоцирует кинокритиков на интерпретации "Тристрама Шенди" как первого постмодернистского романа.

Каковы же условия и причина появления столь неординарного литературного произведения? Присутствие в романе ренессансной, "раблезианской" традиции хорошо ощутимо и легко доказуемо, однако является ли эта традиция единственным фактором? На уровне общих мест истории культуры хорошо известно, что литература потока сознания начала XX в. как-то связана с философией: М. Пруст может быть истолкован через Бергсона и феноменологию, Дж. Джойс – прочитан сквозь призму У. Джемса и т.д. Не имеем ли мы в случае со Стерном чего-то подобного, не ангажирован ли Стерн философским дискурсом и философскими спорами своего времени, которые могут стать ключом к загадке его творчества?

Хорошо известно, что Стерн высоко чтит Локка, дружил с Гольбахом и Дидро, встречался с Юмом. Критическая литература о Стерне изобилует именами философов и философскими интерпретациями творчества писателя: в связи со Стерном, помимо перечисленных выше, упоминаются такие его современники, как Дэвид Гартли, Джон Гэй, Шефтсбери, Адам Смит, Джозеф Пристли, Томас Браун, Сэмюэль Батлер, Александр Джерард, а также позднейшие мыслители, чьи учения изоморфны художественному миру Стерна – Гуссерль и Хайдеггер. Существование многообразных связей философии с творчеством Стерна общепризнано, а виды этих связей таковы: биографическая (Стерн был лично знаком с некоторыми философами), текстологическая (Стерн цитирует философов) и общекультурная (Стерн создает роман, наполненный его собственными философскими идеями, созвучными с философскими идеями его времени). В данной статье мы остановимся на одной, наиболее популярной среди критиков, однако не проясненной до конца теории, рассматривающей творчество Стерна в контексте британской ассоциативной психологии XVIII в. и характеризующей Стерна как писателя, чрезвычайно чувствительного к модным в его время концепциям. Ассоцианизм был одной из самых популярных теорий на протяжении всего XVIII в., и Стерн, по мнению многих исследователей, заимствовал из него ряд парадоксов и конкретизировал их при помощи художественных средств. Мы постараемся продемонстрировать, что Стерн не только перенимает из ассоцианизма некоторые элементы, кажущиеся ему забавными, смешными, эвристичными в художественном отношении, но вносит в эту теорию свой собственный, философский по смыслу, но литературный по форме, вклад: при помощи ассоцианизма Стерн создает своего рода модель сознания.

Каково же место Стерна в истории ассоциативной психологии?

В психологической науке ассоциацию принято понимать как "связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого [Петровский 1990, 28].

Хотя описание самого принципа связи представлений находят еще у Аристотеля, ассоцианизм как психологическое направление сложился в XVII–XVIII вв., наибольшей популярности достигнув именно в XVIII в., когда он стал фундаментальной теорией, объясняющей работу сознания. Тот факт, что различные ментальные акты следуют друг за другом с определенной регулярностью, что каждый предыдущий ментальный акт не исчезает бесследно перед появлением следующего, а оба они находятся в некоторой связи, требовал объяснения. В конечном счете ассоциативная психология отвечала на вопрос о целостности ментального опыта: почему мы обладаем представлениями о целостных предметах и процессах, а не бессвязным набором мыслей, обрывков чувств и ощущений. Ассоцианизм описывал также процесс происхождения нашего знания, осуществляя редукцию сложных ментальных феноменов к их простейшим элементам, а также стремился сформулировать законы образования сложных форм из простых.

В XVIII в. ассоцианизм играл значительную роль в психофизиологии, в философии, в медицине, в моральных и в социальных теориях; он может по праву считаться не только фактом истории философской психологии, но и явлением, значимым для истории идей и истории культуры. В 1700 г. Джон Локк добавил главу "Об ассоциации идей" ко второй части четвертого издания "Опыта о человеческом разумении". Позже данный термин был заимствован у Локка Д. Юмом и Д. Гартли, а в дальнейшем – чрезвычайно широким кругом мыслителей. Однако выделение ассоцианизма в раздел психологии связано не столько с появлением самого термина, сколько с попытками описать и объяснить этот ментальный феномен, имевшими место еще в XVII в. – в философии Декарта, Гоббса и Спинозы¹. Уже на этом, начальном этапе развития ассоцианизма, заметен его выход за пределы философии: в литературную критику и эстетику.

¹ Подробнее об ассоцианизме в XVII–XIX вв. см. [Ярошевский 1976, 111–128]. Также об ассоцианизме см. [Васильев 2003, 236–265] и [Hoeldtke 1967].

Влияние Локка в области ассоциативной психологии особенно ощутимо в период с 1700 по 1739 г., то есть вплоть до публикации Юмом "Трактата о человеческой природе". Примечательно, что в главе "Об ассоциации идей" Локк не упоминает теорию Гоббса, хотя многие его идеи очень похожи на мысли, высказанные Гоббсом. Один из историков ассоцианизма, Мартин Каллих, сообщает о том, что в письме Локка к Молино (Molynеux) от 26 апреля 1695 г. философ пишет о том, что его теория соединения идей не была известна ранее и что она, как надеется Локк, окажет в будущем значительное влияние на умы людей. Каллих комментирует это заявление Локка следующим образом: "Однако Локк может быть рассмотрен как оригинальный мыслитель в этой сфере, ибо никто, начиная с Аристотеля и заканчивая Гоббсом, не подходил к ассоциациям только как к слабости ума и как к препятствию для правильного мышления" [Kallich 1945, 304].

Локк действительно драматизирует антиномию "разум/ассоциации", доводит их противопоставление до предела. Соединение идей бывает двух родов: естественное и неестественное. Несмотря на то что Локк уделяет наибольшее внимание анализу неестественных ассоциаций, называя их "некоторым видом сумасшествия", нам следует описать свойства ассоциаций других видов.

Правильное соединение идей, по Локку, "основано на свойственном им [идеям] бытии" (is founded in their peculiar beings, Опыт, II, 33, 5, 451²). Говоря об естественных антипатиях, Локк указывает, что последние основаны на естественном соединении идей и "зависят от нашего первоначального строения и родились вместе с нами" (Опыт, II, 33, 7, 452).

Очевидно, что подобное представление о врожденных естественных сцеплениях идей напоминает отвергнутую Локком теорию врожденных идей и принципов. Казалось бы, человеческое сознание, очищенное от всего врожденного, не должно содержать в себе ничего "природного", кроме разве что самой способности обладать чувствами и идеями. Неясно, что Локк понимает под бытием, свойственным идеям. Локк мог бы сказать, что сцепление идей, повторяющее последовательность чувственных восприятий, является естественным, а противоположное ему – неправильной ассоциацией, но он не говорит этого. Еще один историк ассоцианизма, Говард Уоррен, пишет о том, что "естественный" вид ассоциации можно было бы истолковать как соединение идей по сходству, а "неестественный" – как соединение по смежности [Warren 1921, 38], однако сам Локк, разумеется, не предлагает подобных формулировок.

Другим подвидом ассоциации является неестественное соединение, которое как раз подвергается осуждению со стороны Локка. По-видимому, недостаточная ясность статуса естественных ассоциаций привела к крайне резкой, негативной оценке противоположного им вида ассоциаций. Локк называет этот тип ассоциации "предрассудком" (prejudice), "недостатком" (flaw), "слабостью" (weakness), "запазой" (taint), и, как было сказано выше, "некоторым видом сумасшествия" (sort of madness). Неестественные ассоциации делятся на произвольные, то есть образованные сознательно, на образованные случайно, но закрепленные привычкой, и на являющиеся действием "неукротимой страсти" (unguly passion). Об ассоциациях, образованных страстью, Локк пишет крайне мало, так что они остаются почти незамеченными: «Некоторый вид сумасшествия. Меня простят за то, что я называю его таким грубым словом, как "сумасшествие", если примут во внимание, что противоположное разуму заслуживает этого названия и есть действительно сумасшествие. Едва ли хоть один человек свободен от него настолько, чтобы его не считали годным более для Бедлама, чем для образованного общества, если бы он всегда, во всех случаях рассуждал или действовал так, как он это постоянно делает в некоторых случаях. Я имею в виду здесь не то время, когда человек бывает во власти неукротимой

² Здесь и далее ссылку на "Опыт о человеческом разумении" (сокращенно "Опыт") Локка следует читать так: номер книги "Опыта о человеческом разумении", номер главы, номер параграфа, страница по следующему изданию [Локк 1985]. Английский текст цитируется по изданию [Locke 1824].

страсти, а когда он находится в неизменном, спокойном течении своей жизни» (Опыт, II, 33, 4, 451).

Локк полагает, что все люди подвержены этому недугу – неверному соединению идей, но не в той степени, в которой им страдают настоящие сумасшедшие. Однако неверное соединение идей, являющееся результатом действия "неукротимой страсти", является феноменом особого рода: страсть становится смягчающим фактором, фактором, позволяющим снять обвинение в безумии.

"Неукротимая страсть" (*unruly passion*) извиняет, оправдывает ментальные aberrации, порождаемые ею. Соединение идей, произведенное страстью, не является безумием. Страсть – промежуточная ступень между разумом и его естественными ассоциациями, с одной стороны, и ассоциациями нелепыми и неестественными – с другой. Более того, на основании рассуждений Локка в других главах "Опыта" можно сделать вывод о конструктивной эпистемологической роли страсти. В контексте рассуждений о природе памяти Локк говорит, что при воспоминании разум бывает либо активен, либо пассивен, и если в первом случае возникновение "дремлющих картин" зависит от воли, то во втором идеи "пробуждаются и выталкиваются из своих мрачных келий на дневной свет бурными и сильными страстями, так как наши душевные движения оживляют в памяти идеи, которые без этого лежали спокойно, не привлекая внимания" (Опыт, II, 10, 7, 201).

Главным основанием для анализа "Тристрама Шенди" в контексте ассоцианизма является следующее упоминание термина "ассоциация идей" (*association of ideas*) в четвертой главе первого тома романа: "Но в этой пунктуальности была одна неприятная сторона, которая особенно больно сказалась на мне и последствия которой, боюсь, я буду чувствовать до самой могилы, а именно: благодаря несчастной ассоциации идей, которые в действительности ничем между собой не связаны (*from an unhappy association of ideas which have no connection in nature*), бедная моя мать не могла слышать, как заводятся названные часы, – без того чтобы ей сейчас же не приходили в голову мысли о кое-каких других вещах, – и *vice versa*. Это странное сочетание представлений, как утверждает пронизательный Локк, несомненно понимавший природу таких вещей лучше, чем другие люди, породило больше нелепых поступков, чем какие угодно другие причины для недоразумений. Но это мимоходом" (ТШ, I, 4, 26)³.

На страницах романа термин "ассоциация идей" встречается еще один раз – в первой главе пятого тома, в истории "Об усах", где имя Локка уже отсутствует: "Разве не известно всему свету, – говорил священник из Эстеллы в заключение своего труда, – что несколько столетий тому назад носы подвергались в большинстве стран Европы той же участи, какая теперь постигла в Наваррском королевстве усы? Зло, правда, не получило тогда дальнейшего распространения, – но разве кровати, подушки, ночные колпаки и ночные горшки не стоят с тех пор всегда на краю гибели? Разве штаны, прорехи в юбках, ручки насосов, втулки и краны не подвергаются до сих пор опасности со стороны таких же ассоциаций?" (ТШ, V, 1, 325).

На первый взгляд кажется удивительным, что всего два эпизодических упоминания термина "ассоциация" в "Тристраме Шенди" дали повод для написания немалого числа критических работ, посвященных творчеству Стерна в его связи именно с ассоцианизмом Локка. Ведь помимо Локка Стерн затрагивает массу других философских проблем, называет и других философов. Почему же для объяснения романа большинство критиков обращаются именно к теории ассоциации идей? Почему, выбирая среди различных ассоцианистских теорий, критики отдадут предпочтение именно теории Локка? И, наконец, действительно ли ассоцианизм может объяснить своеобразие Стерна, может ли Стерн рассматриваться как участник этого философского направления?

³ Здесь и далее ссылку на роман Стерна "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" (сокращенно "ТШ") следует читать так: номер тома романа "Жизнь и мнения Тристрама Шенди...", номер главы, страница по изданию [Стерн 2004]. Английский текст цитируется по изданию [Sterne 2005].

Первая причина популярности среди критиков ассоцианизма как концепции, объясняющей художественные принципы Стерна, такова: обнаруживая в романе примеры запутанного мышления, критики пытались найти аналоги в современной Стерну философской психологии, объяснить ею эксцентричность писательской манеры Стерна и причудливость созданных им характеров. То, что Стерн опирается на какую-то психологическую теорию, казалось очевидным из-за обилия ученой лексики, изощренности авторского замысла и его исполнения, из-за того, что все повествование строится на внутреннем монологе, принципы построения которого соотнобразуются с личной психологией главного героя. То, что эта теория – именно ассоциативная психология, легко предположить, так как ассоцианизм был необычайно популярен в британской культуре XVIII в.: его влияние ощутимо в философской и в медицинской психологии XVIII в., в эстетической теории, в литературной критике, в моральной философии, в биологии и даже в экономике.

Вторая причина заключается в следующем: Тристрам Шенди старается каузально объяснить свои злключения, а "несчастливая ассоциация идей" рассматривается им как важнейшая из первопричин в процессе его личностной эволюции. Тристрам Шенди занят поиском причин, для того чтобы преодолеть зависимость от прошлого. Запутанность мыслей и чужаковатость поступков являются в созданном Стерном мире следствиями ассоциации идей, то есть означают зависимость личности от ментальных актов, имевших место в прошлом. Ассоцианизм для Тристрама Шенди – механизм, детерминирующий личностную эволюцию и, вместе с тем, позволяющий объяснить и понять ее. Несмотря на свою эксцентричность, большинство ассоциативных связей, изображенных в романе, поддаются рациональному пониманию. Ассоцианизм помогает Тристраму истолковать случайное и абсурдное сцепление событий его жизни как закономерный, причинно-следственный и рационально постижимый процесс.

В-третьих, ассоцианистская теория объясняет целостность опыта – целостность, которая проблематизирована в "Тристраме Шенди".

Популярность среди критиков именно локковской версии ассоцианизма можно объяснить двумя главными факторами. Первым фактором является очевидность этого варианта и консервативность самой критической традиции. Локк известен как автор термина "ассоциация идей", как философ, высоко чтимый Стерном, который ссылается и на другие философские темы, описанные в "Опыте о человеческом разумении": наконец, Стерн сам упоминает Локка в контексте ассоцианизма.

Понимание второго фактора требует особого внимания к специфическому локковскому смыслу рассматриваемого термина. Локковское понимание ассоциации идей как ментальной аберрации не разделялось другими сторонниками ассоцианизма. Локк пытался преодолеть и устранить неясность и путаницу в мышлении своих современников, Стерн же щедро наделяет ею умы своих героев и культивирует в своем собственном авторском сознании. И хотя выявлению неадекватности человеческих поступков и запутанности мышления в "Опыте" посвящена не только глава об ассоциациях (см. также Опыт, II, 11, 2–3, 205–206; II, 11, 12–13, 209–210), все же именно этот термин казался последователям Локка и историкам психологии наиболее точно фиксирующим суть проблемы. Это, однако, отнюдь не означает невозможности объяснять запутанность мышления через другие локковские концепты – например, через теорию злоупотребления языком.

Как было сказано выше, ассоцианизм отвечал на два вопроса: о происхождении нашего знания и о целостности опыта. Нам представляется, что если на первый вопрос отвечает теория Локка, то на второй – ассоциативная концепция Дэвида Юма, утверждающая, что ассоциация – не отклонение правильного хода мысли, но элемент любого нормального мыслительного процесса. В то время как для Локка ассоциация синонимична сумасшествию, для Юма феномен ассоциации идей является базовым принципом организации ментального опыта, допускающим установление своей закономерности. Соединение идей происходит под действием сходства (портрет вызывает мысль об оригинале), смежности во времени и в пространстве (разговор об одном помещении какого-либо

здания вызывает мысль о другом помещении этого же здания) и причины и действия (мысль о ране неизбежно приносит мысль о боли). "Притяжение" идей для Юма аналогично притяжению предметов физического мира.

Оба вопроса – о происхождении знания и о целостности опыта – являются существенными для героев и автора "Тристрама Шенди". Тристрам пытается создать своего рода ментальную генетику – выяснить источник происхождения своих "мнений", понять, почему он тот, кем он является, откуда он знает о себе то, что знает. Тристрам предлагает читателю два вида опыта, упорядоченного необычным образом, – сознание и повествование. Имеет ли сознание героев и автора структуру? Есть ли логика в постоянных скачках и отступлениях в романе? Ассоциативная теория претендует на то, чтобы быть ответом на все эти вопросы.

Попытаемся простроить типологию встречающихся в "Тристраме Шенди" ассоциаций, опираясь на теорию Юма, так как в ней виды ассоциаций были выделены намного более четко, чем у Локка.

Когда отец Тристрама Шенди совершает "косые зигзаги", чтобы достать левой рукой платок из правого кармана своего кафтана, дяде Тоби "мгновенно пришли на ум зигзаги, которые он сам проделывал, по долгу службы, перед воротами Святого Николая. – Мысль эта до такой степени отвлекла его внимание от предмета спора, что он протянул уже правую руку к колокольчику, чтобы вызвать Трима и послать его за картой Намюра, а также обыкновенным и пропорциональным циркулем, так ему захотелось измерить входящие углы траверсов этой атаки, – в особенности же тот, у которого он получил свою рану в паху" (ТШ, III, 3, 163).

Очевидно, что эта ассоциация произошла на основании сходства движений Вальтера Шенди и перемещений дяди Тоби на поле сражения. Аналогичным образом можно объяснить неверное понимание дядей Тоби слова "мост" – как элемента крепостного сооружения, а не как моста, изготовленного из китового уса для выпрямления поврежденного носа новорожденного Тристрама Шенди (ТШ, III, 23–27, 204–211).

Дядя Тоби ассоциирует "удары" судьбы, о которых говорит ему брат, с ударами палками, которыми был наказан гренадер, служивший вместе с ним в армии (ТШ, IV, 3, 269). Перечисленные выше примеры являются иллюстрациями ассоциаций на основе **сходства**.

Когда становится известно о смерти брата Тристрама, Бобби, служанка Сузанна говорит о том, что теперь матери Тристрама Шенди придется носить траур (ТШ, V, 7, 336–337). В пользу того, что этот момент является именно ассоциативным, говорит замечание Тристрама о том, что "траур не вертелся в голове у Трима", то есть связь смерти и траура (а затем и упоминание Сузанны о якобы уже состоявшихся похоронах) – продукт индивидуальной ментальной активности служанки. Это ассоциация на основании **причинности**: подобно тому, как всегда причиной траура является смерть, в данном конкретном случае весть о смерти Бобби вызывает в уме Сузанны мысль о трауре. В романе можно найти и примеры ассоциаций, образованных **случаем и привычкой**, то есть "неестественных" в локковском смысле, или ассоциацией на основе смежности в терминологии Юма. Этот вид ассоциации ближе всего к тому, что называется условным рефлексом. Примеры таких ассоциаций встречаются у Стерна очень часто. С ассоциации этого вида начинается роман: мать Тристрама Шенди связывает идею завода часов с идеей регулярного исполнения супружеских обязанностей. Описывая этот факт, Тристрам Шенди прямо ссылается на Локка, о чем уже было сказано в начале этой статьи. К этому же виду ассоциаций можно отнести содержание новелл про нос (ТШ, IV, Повесть Слокенбергия, 236–266) и про усы (ТШ, V, 1, 321–323). Кроме того, стоит обратить внимание на то, что Стерн пытается установить "неестественную" ассоциацию идей в головах у своих читателей. Так, в третьем томе романа он неоднократно повторяет, что под словом "нос" он подразумевает только нос и ничто иное, что побуждает читателя к сомнению в чистоте помыслов автора, и, как следствие, к возникновению непристойных ассоциаций в сознании читателя (ТШ, III, 31–33, 214–218). Такая же двусмысленность возникла (под влиянием вышеуказанного эпизода романа) в британском обществе в се-

редине XVIII в. в связи с самим словом "часы": оно стало непристойным. Оба эти случая – "Повесть Слокенбергия" и новелла про слово "усы" в Наваррском королевстве – названы в романе Стерна ассоциациями (ТШ, V, 1, 325).

Итак, в "Тристраме Шенди" мы можем найти примеры всех трех видов ассоциаций по Юму. Однако в романе обнаруживаются и другие виды ассоциаций, которые возвращают нас к теории Локка. Это, во-первых, **произвольные ассоциации**, а во-вторых – **образованные страстью**. Для Стерна, как и для Локка, феномен ассоциации очень тесно связан с проблемой языка: с невозможностью точного определения слов, с неизбежностью двусмысленности, с произвольностью знака. Помимо установления связи идей в голове читателей Стерн стремится к деконструкции ассоциативного механизма, к объяснению его условности, иллюзорности, искусственности: "Слово *веселое*, встретившееся в конце предыдущей главы, приводит нас (то есть автору) на ум слово *хандра*, – особенно если у нас есть что сказать о ней; не то чтобы в результате логического анализа – или в силу какой-нибудь выгоды или родственной близости оказалось больше оснований для связи между ними, чем между светом и тьмою или другими двумя нам более враждебными по природе противоположностями, – а просто такова уловка писателей для поддержания доброго согласия между словами, вроде того как политики поддерживают его между людьми, – не зная, когда именно им понадобится поставить их в определенные отношения друг к другу" (ТШ, VII, 19, 461–462).

Здесь Стерн утверждает, что ассоциация – это художественный прием, используемый автором. По-видимому, этому случаю тоже можно найти аналог в философии Локка, который выделяет два подвида неестественной ассоциации: случайную и произвольную. Случайное соединение происходит в головах персонажей, а произвольное, умышленное соединение идей является техникой авторского повествования.

В одной из глав первого тома "Тристрама Шенди" Стерн описывает несколько стратегий исследования сознания. Он начинает с сожаления по поводу того, что в человеческое тело не вмонтировано прозрачное стекло, которое позволяло бы писателю "увидеть в полной наготе человеческую душу" (ТШ, I, 23, 85). Таким образом, исходным пунктом философии сознания Стерна является недоступность чужого сознания напрямую наблюдению и невозможность достижения безошибочного, безупречно точного знания об устройстве чужой души. Это создает, по его мнению, трудности не только в описании характера того или иного литературного героя, но и в процессе повседневной коммуникации. Герои романа то и дело совершают ошибки в толковании слов и поступков друг друга. Двусмысленность слова и жеста является для Стерна важным приемом создания комического эффекта. Однако писатель все же предлагает несколько стратегий проникновения в чужое сознание (ТШ, I, 23, 85–88), останавливаясь в итоге на изображении характера при помощи его "конька" (*hobby-horse*).

Те или иные увлечения героя описываются Стерном как пространственное перемещение на его "коньке" (ТШ, I, 24, 88). При помощи этой метафоры Стерн описывает особенности характера почти всех членов семьи Шенди, а эти характеры не лишены некоторой странности (ТШ, I, 21, 78). "Конек" становится моральным оправданием чудачества. Его можно понимать как метафору причуды, личной, неповторимой, индивидуальной особенности характера, увлечения, хобби. Стерн не дает точного определения "конька", прибегая, правда, к художественным формулировкам, одной из которых является следующая: "Когда человек отдает себя во власть господствующей над ним страсти, – или, другими словами, когда его конек закусывает удила, – прощай тогда трезвый рассудок и осмотрительность!" (ТШ, II, 5, 101).

Корни теории "господствующей страсти" (*ruling passion*) могут быть обнаружены в творчестве старшего современника Лоренса Стерна, английского поэта Александра Поупа, который так же, как и Стерн, был поклонником философии Локка.

Известный стерновед Джеймс Свиеринген убежден в наличии некоего глубинного принципа, упорядочивающего ментальные процессы в голове Тристрама Шенди. Он говорит о близости "*hobby-horse*" феноменологическому принципу интенциональности, о том, что Стерн является посредником между философской психологией XVIII в. и фено-

менологией Гуссерля. Однако тут уместно обратить внимание на близость принципа "hobby-horse" к третьему виду ассоциаций в теории Локка – к соединению идей, направленных "неукротимой страстью".

В конце первого тома Стерн описывает обстоятельства, способствовавшие появлению "конька" дяди Тоби – увлечения фортификацией и моделированием военных сражений. Дядя Тоби, получивший ранение в пах в битве при осаде Намюра, долгое время был прикован к своей постели. Однако его заботливый брат, отец Тристрама, Вальтер Шенди, не давал дяде Тоби скучать в одиночестве, приводя к нему всевозможных гостей. Гости полагали, что беседа с дядей Тоби о его ранении облегчит его страдания, и поэтому расспрашивали его об осаде Намюра. Результатом повторения этих бесед и стало указанное выше увлечение: дядя Тоби привык по любому поводу вспоминать о военных сражениях.

Следует обратить внимание на то, что процесс формирования "конька" состоит из двух этапов: повторения и удовольствия.

Согласно Локку, идеи наслаждения и неудовольствия "соединяются почти со всеми нашими идеями как ощущения, так и рефлексии" (Опыт, II, 7, 2, 178), формируя и направляя поток сознания (Опыт, II, 7, 3, 178). Аналогичным образом, "конек" у Стерна побуждает героев его романа на совершение тех или иных поступков и на выбор определенного направления мыслей. "Конек", следовательно, есть подкрепленная удовольствием и структурирующая поток сознания привычка направлять внимание на определенный предмет.

Ассоцианистская модель сознания, предложенная Стерном, может быть описана и в терминологии Локка, и в терминологии Юма. Исследование феноменов сознания, предложенное Стерном с помощью художественных средств, может быть рассмотрено не только как дополнение к теории Локка, но как ее дальнейшая разработка, связанная с введением феномена "конька" как подкрепленной удовольствием безобидной в моральном отношении привычки. Взгляды же Стерна обнаруживают большую близость юмовской теории, так как Стерн описывает ассоциацию не как простое соединение нескольких отдельных идей, но как механизм, формирующий человеческий опыт в целом: языковой, перцептивный, поведенческий, экзистенциальный. Однако ассоциативный механизм на основе страсти, который мы находим в "Тристраме Шенди", представляется нам развитием идей Локка о "неукротимой страсти", то есть своего рода безобидном сумасшествии. Уникальными же являются форма описания этой теории и связь ассоциации с феноменом страстного увлечения. Действие "конька", увлечения, хобби на сознание не приводит к простому сцеплению отдельных идей: "конек" структурирует весь опыт человека и задает исходные данные для интерпретации этого опыта. "Конек" образует личную систему ожиданий, систему психологических доминант личности, образует устойчивые фреймы, когнитивные установки и продуцирует метафорические описания. Так, например, любовные похождения дяди Тоби и вдовы Водмен осмысляются автором в терминах военного сражения, смерть Бобби побуждает Вальтера Шенди описывать свои переживания на языке античной риторики. Открытие такого ментального механизма было совершено именно Стерном, и это стало конструктивным вкладом Стерна в ассоциативную теорию его времени. Ассоцианизм Стерна является синтезом теорий Локка и Юма, осуществленный при помощи усиленной метафоризации теории соединения ментальных актов. Стоит обратить внимание на то, что и локковский термин "ассоциация" в конечном итоге представляет собой метафору: ментальный процесс описывается в терминах социальной активности, в терминах объединения людей в некоторые общности.

Ассоцианизм Стерна содержит в себе и скрытые этические установки: безобидная страсть как "hobby-horse" противопоставляется страсти порочной, непристойной, телесной, обозначенной не лишенным двусмысленности в английском языке словом "ass" (ТШ, VII, 31, 453–454).

Очевидно стремление Стерна показать, что иррациональность мышления, повседневного поведения и вербальной коммуникации, зависимость человека от случайного

соединения идей, от привычки, от прошлого не являются помехами для морального поведения и не мешают взаимопониманию людей. Если Локк стремился максимально очистить опыт от неконтролируемых влияний мира на человека, то Стерн скорее покорно принимает факт этого влияния как нечто неизбежное и, следовательно, не подлежащее осуждению. Странность естественна, странность – это один из основных элементов человеческой природы, а также – основа художественного творчества, в котором она выступает в форме остроумия (wit).

Литература

- Briggs 1985 – *Briggs P.M.* Locke's Essay and the tentativeness of Tristram Shandy // *Studies in philology*, 82, 1985, 493–520.
- Hoeldtke 1967 – *Hoeldtke R.* The history of associationism and British medical psychology // *Medical history*, 11 (1967), 46–65.
- Kallich 1945 – *Kallich M.* The Association of Ideas and Critical Theory: Hobbes, Locke, and Addison // *English Literary History*, Vol. 12, No. 4 (Dec., 1945), pp. 290–315.
- Locke 1824 – *Locke J.* The works of John Locke in nine volumes, 12th ed, London, 1824.
- Sterne 2005 – *Sterne L.* The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman. A Sentimental Journey Through France and Italy, Munich, 2005.
- Warren 1921 – *Warren H.C.* A History of the Association Psychology. NY, 1921.
- Васильев 2003 – *Васильев В.В.* История философской психологии. Западная Европа – XVIII в. Калининград, 2003.
- Локк 1985 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении / *Локк Дж.* Соч. в 3-х т. Пер. с англ. А.Н. Савина. Т. 1. М., 1985.
- Петровский 1990 – Ассоциация / Психология. Словарь. Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990, С. 28–29.
- Стерн 2004 – *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена (перевод А.А. Франковского). Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма. М., 2004.
- Ярошевский 1976 – *Ярошевский М.Г.* История психологии. 2-е перераб. изд., М., 1976.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 1

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2008

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

"НАУКА"

СОДЕРЖАНИЕ

Г.С. Киселев – "По образу и подобию" 3

Философия и наука

Д.И. Дубровский – Проблема "другого сознания" 19

А.Н. Павленко – Радиофундаментализм..... 29

А.А. Ардаков – Сознание в онтологиях антропного принципа 45

Из истории отечественной философской мысли

В.Н. Порус – С.Л. Франк: антиномии духа как основания культуры..... 51

В.В. Лазарев – Триады и Троица в наследии Павла Флоренского 65

И.З. Белобровцева – "К проблеме работы с недостоверными источниками" 77

К.А. Баршт – Мнемоническая вечность Андрея Платонова 90

История философии

В.Г. Лысенко – Васубандху о реальности только мысленного представления
(репрезентации). Предисловие к публикации "Вимшатика-карика-вритти"
Васубандху 109

Васубандху – Вимшатика-карика-вритти. Комментарий к двадцатистишию 113

А.В. Хитров – Лоренс Стерн и британский ассоцианизм XVIII в. 132

А.Э. Савин – Способ периодизации исторического процесса у Гуссерля 141